

МАРИНА СЕРОВА

**Любовь кончается
в полночь**

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Огонь прекрасных глаз

«Научная книга»

2009

Серова М. С.

Огонь прекрасных глаз / М. С. Серова — «Научная книга»,
2009 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

© Серова М. С., 2009
© Научная книга, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Серова

Огонь прекрасных глаз

Глава 1

Вот и верь после всего этого высшим силам! Еще накануне вечером я, частный детектив города Тарасова Татьяна Александровна Иванова, зеленоглазая блондинка двадцати восьми лет от роду, удачно раскрутив очередное дело, решила устроить себе заслуженный отдых. Для начала я надела недавно купленный в бутике «Парижанка» костюм небесно-голубого цвета, белые туфли, сделала легкий макияж, взяла миниатюрную сумочку в тон туфлям и вышла из подъезда по направлению к набережной подышать речным воздухом и полюбоваться на закат. Но не успела я пройти и нескольких метров, как встретила свою школьную подругу, Веронику Леонову, с которой мы не виделись сто лет. Окутанная ароматом нежнейших французских духов, Ника сразу взяла меня в оборот:

– Ой, Танек, сколько лет, сколько зим! Ты как? Ничего? А на меня такое свалилось! Мой-то изменяет мне втихаря, скотина, ублюдок несчастный! Вот иду сейчас к гадалке, может, что-то посоветует, надо же как-то действовать... Тань, пойдем со мной, очень тебя прошу, а то одной мне как-то не по себе, даже страшно становится, ты себе не представляешь мое состояние, хорошо, что я тебя встретила! – Все это Вероника выпалила на одном дыхании, не давая мне вставить ни слова. Выглядела она действительно не лучшим образом, несмотря на супермодные шмотки от Баленсиага и Гуччи.

Я поддалась на ее уговоры, и уже минут через двадцать мы с ней сидели за столиком, заставленным гадалочными принадлежностями, в небольшой комнате с опущенными тяжелыми шторами. Гадалка подробно объяснила Нике, что ей нужно делать, чтобы вернуть загулявшего мужа. И тут я, неожиданно для самой себя, решила, пользуясь случаем, узнать, что ожидает меня на личном фронте. Втайне я надеялась на некое милое и приятное сердцу предсказание и получила его: карты, раскинутые гадалкой, предвещали мне начало новой и пылкой страсти. Я еще уточнила, а возможны ли такие перемены уже завтра? На это гадалка ответила, что ничего невозможного нет.

Это было вчера. А сегодня меня разбудил звонок в дверь, и довольно рано. «Господи, как же я ненавижу вставать чуть свет!» – хотелось мне крикнуть во все горло непрошеному визитеру и продолжать покоиться в объятиях Морфея. Но вместо крика у меня вырвался какой-то не то сдавленный стон, не то бормотание, смысл которого мне и самой был неясен. Было одно желание: послать всех подальше и отоспаться сразу за все те полубессонные ночи, которые выпали на мою долю, пока я раскручивала очередное дело.

Нет, ну должна же быть справедливость на свете! Я же не робот, в конце концов, какой-то, чтобы без отдыха трудиться и головой, и руками, и ногами. Плюс ко всему – постоянные стрессы и опасности, подстерегающие меня буквально на каждом шагу. К тому же я в своем, одном-единственном лице совмещаю практически все штатные единицы, имеющиеся в обычном детективном агентстве, ну, там, скажем, помощник главного детектива (а то и не один, а несколько), секретарь, водитель... кто еще? Ну, неважно, обязанностей все равно выше крыши. Вот почему полноценный, пусть даже небольшой отдых или хотя бы никем и ничем не прерываемый сон был мне сейчас просто необходим. Разумеется, во время расследования у меня стираются понятия «день» и «ночь». Но вот после...

Пока все эти мысли крутились у меня в голове, сон неожиданно куда-то отлетел. И звонок уже больше не звонил. Я даже разозлилась. Вот ведь! Грубо выхватил человека из царства сна и неги, а теперь молчит, как будто сам туда погрузился. Но в это время, будто желая реа-

билитироваться, звонок зазвонил снова. Все! Окончательно прогнав остатки сна, я вылезла из постели и, сунув ноги в шлепанцы, направилась было к двери. Тут мой взгляд упал на зеркало, висевшее на стене. Вернее, на отражение, показавшееся в нем: припухшие веки, всклокоченные волосы... Н-да, видок еще тот... А если вчерашнее счастливое предзнаменование гадалки так быстро материализовалось и моя «пылкая страсть» ждет не дождется встречи со мной (подняла меня с постели ни свет ни заря)? Ну, и ладно, кому надо, и такая понравлюсь. К тому же под припухшими (нет, лишь слегка, чуть-чуть припухшими) веками таятся бездонные зеленые колдовские глаза (возможно, отчасти и из-за них меня прозвали Ведьмой), а пышные длинные волосы, которые я машинально пригладила рукой, уже не торчат в разные стороны, а, струясь, падают на плечи.

Накинув поверх ночной рубашки пикантный полупрозрачный пеньюар, недавно купленный в «Стилиссимо» (надо же побаловать себя, любимую, если пока никто другой не догадался этого сделать), я решительно направилась в прихожую на встречу со своим «счастьем». Но когда я открыла дверь, то в первую секунду просто опешила от неожиданности: передо мной стояла молодая женщина лет тридцати. Красивая, со вкусом одетая. Точеное личико, локоны цвета спелой пшеницы, гармонирующие с васильковыми глазами. Короткая летняя кофточка ажурной вязки цвета яичного желтка эротично открывала плечи, легкая пестрая юбка с прозрачными вставками подчеркивала изгибы бедер. В руках женщина держала черную кожаную куртку и в тон ей – сумочку.

– Вы Татьяна Иванова? – Она сделала ударение на первом слове.

– Да, это я.

– Я – Ася Малеева. Мне нужна ваша помощь. Можно, я пройду? – Не дожидаясь ответа, она прошла в комнату стремительной, но в то же время пластичной, какой-то летящей походкой. «Напоминает движения балерины», – подумала я. Опять же, не дожидаясь приглашения, Ася села на диван. Я расположилась напротив в своем любимом (слегка потертом и слегка продавленном) кресле. Ася какое-то время молчала. Казалось, решительность, с которой она буквально ворвалась ко мне, оставила ее. Однако мне только так показалось.

– Бога ради, простите меня за столь ранний визит, – она подняла на меня свои васильковые глаза. – Но я действительно нуждаюсь в вашей помощи, иначе я бы ни за что не ворвалась к вам так рано, – видимо, от волнения Ася начала повторяться.

– Да не волнуйтесь вы так, – я решила ее подбодрить. – Тем более что я уже и не спала, – приврала я, – профессия, знаете ли, обязывает.

– Да, да, именно так мне вас и рекомендовали как очень хорошего, компетентного специалиста. В общем... Таня. Вы разрешите к вам так обращаться?

Я молча кивнула.

– Убили мою лучшую подругу. Подругу детства. Я вас очень прошу найти убийцу!

– Но, очевидно, этим делом уже занимается милиция?

– В том-то и дело. Следователь так и сказал: ваша подруга переборщила, не рассчитала, видите ли, дозу. Да Оля и близко к наркотикам не стояла! – Ася возмущенно почти выкрикнула эти слова. – И, если уж на то пошло, станет человек кайфовать прилюдно? Ведь это полная бредятина!

– Подождите, подождите, Ася. Давайте все по порядку.

– Хорошо. Олю Ермакову нашли... мертвой в кафе «Красный конь», это на Максима Горького, ближе к улице Советов, – пояснила она. – Официантка вызвала «Скорую», та установила причину смерти – сердечный приступ. Ну, а в лаборатории исследовали содержимое ее чашки из-под кофе и нашли следы сильнодействующего наркотического вещества. Но этого просто не может быть!

– Чего не может быть? – переспросила я. – Вы не доверяете результатам экспертизы?

– Да нет же! Не в этом смысле! Я ведь вам уже сказала, что Оля никогда не употребляла ничего наркотического, она даже к спиртному испытывала отвращение, наверное, из-за того, что Валерий (это ее бывший муж) был беспробудным пьяницей.

– Был? Его что, уже тоже нет в живых?

– Ну, как же! Он еще всех нас переживет! Наверное, потому что уж очень хорошо про-спиртовался. Нет, вы не подумайте, я совсем не желаю ему зла. Просто... Ну, почему хорошие люди так рано нас покидают? – Она подняла на меня глаза, в которых уже стояли слезы, готовые вырваться и пролиться бурным потоком.

Ну, и вопрос ты мне задала, Ася! Да кто ж его знает! Видимо, так уж было угодно небесам. Как говорится, человек предполагает, а господь бог располагает. А если честно, то я особенно-то и не вникала по-настоящему в вопросы бытия и мироздания. Все больше преступников ловлю и, если возможно, предотвращаю преступления. До философских размышлений как-то руки не доходят. Вот когда выйду на пенсию... Если доживу до нее, при моей-то работе... Ладно, прочь пессимизм и негатив. А то ведь мысли имеют свойство материализовываться. А посему надо думать только о хорошем. Ничего этого я Асе, конечно, не сказала, да она, очевидно, и не ждала ответа на свой вопрос. Немного помолчав, Ася продолжила:

– Оля... была... Никак не могу говорить о ней в прошедшем времени! В общем, в ней я видела сестру, которой у меня никогда не было. Я росла единственным ребенком в семье.

– Вы с ней вместе учились в школе?

– Не совсем так. Мы вместе учились в хореграфическом училище, а поскольку туда принимают с десяти лет, то можно сказать, что мы – школьные подруги.

«Значит, интуиция меня не подвела, Ася действительно балерина».

– Знаете, – продолжала Ася, – я рано осталась без мамы... Папа у меня военный, поэтому много времени уделять мне не мог, и семья Оли и Киры (это младшая сестра Оли) стала мне родной. С Олей я могла делиться самым сокровенным, она всегда меня понимала и поддерживала, хотя когда мы с Игорем... ну, это уже совсем другая история, она касается только меня.

– А где работала Оля? В театре?

– Первое время после окончания училища – да, в нашем Тарасовском театре оперы и балета. А потом она из него ушла. К тому времени у них с Кирой умерли родители. Балетной зарплаты не хватало даже на одну Олю, а ведь надо еще было растить и учить сестру. Кира, кстати, тоже пошла по нашим стопам, закончила училище, сейчас танцует в нашем театре. Ну, а Оля, как и многие другие граждане в то время, занялась коммерцией. Сначала она совершала не очень далекие вояжи: в Польшу, в Турцию. Она привозила самый ходовой товар и сравнительно быстро смогла раскрутиться. Конечно, были свои сложности, и немалые. Приходилось ночей недосыпать, карауля на вокзалах свой товар, из-за непомерного количества выпитой из-за жары кока-колы и фанты она чуть было не заработала диабет. Но потом стало легче. Постепенно нашлись компаньоны, и наконец появился магазин модной одежды «Мадонна», знаете, на Немецкой, между Горького и Польской.

Я кивнула: сама не раз там была, очень даже миленькие вещички выставлены и на витрине, и в самом магазине.

– Скажите, Ася, а были у Ольги конкуренты, недоброжелатели, враги, наконец? Ведь доля частного предпринимателя – достаточно нелегкая.

– Вот на этот вопрос я вам не могу дать определенный ответ. Враги... Скорее «нет», чем «да». Потому что Оля обязательно бы поделилась со мной своими тревогами, неприятностями. Дела в «Мадонне» шли неплохо, и совсем недавно она летала в Ереван. Там она заключила очень выгодный для магазина контракт с одной из армянских фирм. Правда, после того как она вернулась, мы с ней не виделись, только по телефону разговаривали. Но настроение у нее было приподнятое, я давно не слышала в ее голосе таких ноток. И, подозреваю, дело, наверное, не только в удачном контракте.

– Вы имеете в виду что-то личное?

– Может быть. У нас просто не было возможности встретиться и все подробно обсудить. И... вы знаете что? Несмотря на Олино воодушевление, я все же почувствовала некоторый разлад. Ну, как будто что-то ее тревожило, что ли... Да, она еще сказала: «У меня есть две новости, одна, как водится, хорошая, а вторая – не очень. Ну, да мы все уладим». Я, как ни пыталась ее, ничего не смогла выяснить. «Не телефонный разговор, и точка», – говорит. А встретиться мы с ней должны были как раз вечером того дня... когда ее не стало, – добавила Ася совсем тихо. – Вот ее фотография, – Ася открыла сумочку и протянула мне фото. На меня смотрела сероглазая женщина, по ее спине струился целый водопад каштановых с золотым отливом волос. – Так что, Таня, возьметесь вы за это дело? Я знаю ваши расценки: двести долларов в день плюс расходы. Вот аванс, – она снова полезла в сумочку, словно боясь услышать от меня отказ. – Сейчас я должна идти: похороны сегодня, – Ася смахнула слезы и направилась к двери.

– По какому адресу?

– Главная Казацья, 45, квартира 34. А мой телефон... – Она продиктовала номер.

Я проводила Асю, закрыла за ней дверь и вернулась в комнату. Вот так-так, совсем неожиданно у меня появилось новое дело! И это буквально через день после того, как я завершила предыдущее. «А как же мой законный отдых? – спросила я саму себя. – А никак», – самой же себе ответила я. В конце концов, устрою себе двойной отпуск. Кроме того, заказы на улице не валяются, иной раз приходится сидеть без работы довольно длительное время. А финансы имеют одну очень неприятную особенность: рано или поздно заканчиваются. У меня они вообще надолго не задерживаются, так, побудут в гостях некоторое время и делают мне ручкой. Дескать, пора тебе, Танечка, снова приниматься за работу! Нет, я не транжирка и не мотовка. Просто люблю устраивать себе «праздники жизни», ну, там купить себе какой-нибудь классный прикид или изящную безделушку стоимостью эдак...

А еще я взяла себе за правило отдыхать и на отдыхе ни в чем себе не отказывать. Я уже побывала на Кипре, в Турции, теперь положила глаз на Египет. Да... Ну, ничего, Африка от меня никуда не денется. Вот только разберусь с тем, кому помешала Ольга Ермакова. Или с теми? Собственно, еще до того, как Ася вручила мне аванс, я уже приняла решение взяться за расследование. И, по большому счету, дело было не только и не столько в необходимости финансового вливания. Я стремлюсь восстановить закон и порядок всеми доступными мне средствами. Поэтому ко мне обращаются люди, которые хотят полной конфиденциальности или которые, как Ася, разуверились в «родной» милиции. К тому же я сама сделала свой выбор, побывав после окончания юрфака сначала на государственной службе и вдоволь наслушавшись сентенций своего шефа, терпеливо объяснявшего мне, неразумной, что черное – это белое, и наоборот.

Осточертело мне все это до смерти! Собственно, из-за этого я и решила стать частным детективом. Я отдавала себе отчет в том, что моя работа «и опасна, и трудна». Меня не раз пугали, достаточно часто я подвергалась смертельной опасности. Боялась ли я? Если честно, то да, бывало и страшно. В конце концов, я нормальный человек с достаточно развитым чувством самосохранения, а не супермен какой-нибудь, точнее – супервумен. Конечно, я многим рисковала, и прежде всего жизнью. Но опасные ситуации только подстегивали меня, заставляя мозг напряженно думать, а сердце – бешено колотиться.

Моя работа нравилась мне еще и потому, что избавляла от будничной жизни, присущей многим моим согражданам, которые изо дня в день курсировали по маршруту: работа – магазины – базары – аптеки. А моя работа давала мне возможность играть множество ролей, проживать тысячу ярких, не похожих одна на другую жизней. И, откровенно говоря, если бы мне предложили поменять мою профессию на какую-нибудь другую, менее опасную, я бы, наверное, не согласилась.

Правда, были и такие моменты, когда я чувствовала себя беспомощной и слабой, когда мне хотелось бросить всю свою работу вместе с деньгами и забиться в какой-нибудь тихий и спокойный уголок. Но всегда на помощь приходили друзья: Гарик Папазян со своим неподражаемым армянским колоритом, Андрюша Мельников, Кирия – Володька Кирсанов. Все перечисленные лица – сотрудники милиции. Я помогаю им избавиться от какого-нибудь «висяка», а они – мне. В смысле, получить нужные сведения, необходимые для моих расследований, кратчайшим путем.

Я вдруг поймала себя на мысли, что предаюсь размышлениям о плюсах и минусах своей работы, сидя на подоконнике с сигаретой в руках. Что-то день сегодня начался как-то не так. Не по правилам, что ли. Я не имею в виду свое пробуждение и немедленное лицезрение хрустящих тостов и дымящегося кофейника, с алой розой вдобавок, на сервировочном столике. Такие приятные моменты в моей жизни имеют место быть, но – как исключение. Обычно день начинается с посещения ванной, где я принимаю или саму ванну, или встаю под душ. После водных процедур – визит в кухню, где происходит таинство превращения темных зерен арабики в самый прекрасный на свете напиток – кофе (я – заядлая кофеманка со стажем). И уже под занавес всех утренних мероприятий – выкуренная сигаретка.

А сегодня все пошло в обратном порядке. Но, впрочем, это можно исправить. Я направилась в ванную и решила принять именно ванну, а не душ, чтобы подарить себе хотя бы кратковременное ощущение полного расслабления. Долго нежиться в воде мне сегодня не придется: времени нет. Я уже решила, что пойду на церемонию прощания с Ольгой Ермаковой. Сведения, предоставленные мне Асей, достаточно скупы. Ну, жила-была балерина, потом превратилась она в преуспевающую бизнес-леди и закончила свою жизнь в одном из тарасовских кафе за чашкой наркотического кофе. Я так же, как и Ася, не верила, что человек выберет людное место для вхождения в наркотический транс. Да и была ли Ермакова наркоманкой? Ася утверждает, что нет. Пожалуй, с ней можно согласиться. Во-первых, от лучшей подруги такого не скроешь, во-вторых, успешный бизнес и статус наркомана – две вещи не то чтобы совсем уж несовместные... В любом случае это бросалось бы в глаза коллегам, партнерам, наконец.

Надо начинать с окружения Ольги. Оно могло пролить свет на многие вещи. И оно, это окружение, должно присутствовать на панихиде.

Я напустила в ванну воды и немного полежала, рассматривая, как крошечные воздушные пузырьки покрывают мое тело. Потом добавила пену с ароматом лаванды. Дождалась, пока вся поверхность воды станет похожей на только что выпавший пушистый снег. Подняла одну руку, посмотрела, как с моих длинных пальцев свисают пушистые комки. Потом просто полежала неподвижно, прикрыв веки... Ну, ладно, пора вылезать, полную и долговременную релаксацию устроим себе потом, когда найдем убийцу Ольги. В том, что это убийство, я не сомневалась. Кто-то помог Ермаковой покинуть этот свет.

Закутавшись в махровый банный халат, я прошла в кухню. Привычно поставила на газ турку с водой, открыла холодильник. Он был полупустой, я не успела еще набить его всякими вкусностями, как это обычно делаю, получив от клиента чек и долгожданную свободу. Однако в морозилке еще оставалось несколько гамбургеров. Я взяла один и положила в микроволновку. Через минуту он уже был готов к употреблению. Завтрак я завершила большой чашкой крепкого кофе.

Теперь нужно было одеться приличествующим случаю образом. Я решила надеть черные классические брюки и черный же легкий свитер, из аксессуаров – комплект из сандаловых бус и браслета. Легкий, почти незаметный макияж, маленькая сумочка, в которую я положила диктофон. На всякий случай. Мало ли что! Никогда не знаешь, когда он может пригодиться.

Я вышла на улицу. Поскольку адрес, который назвала Ася, был недалеко от моего дома, я решила не брать свою бежевую «девятку», а прогуляться пешком, тем более что стояло бабье лето – середина сентября: прекрасная, ни с чем не сравнимая пора. Природа являла буйство

красок: деревья еще не успели сбросить листья и демонстрировали желтое и желтое с красным одеяние, а кое-где они оставались по-летнему полностью зелеными. По голубому небу плыли легкие, почти прозрачные облачка. Дул легкий ветерок. А ведь совсем недавно была просто жуткая жара, столбик термометра поднимался до 36 градусов в тени! Солнце беспощадно слепило и жгло. От него не было спасения ни днем, ни ночью, потому что даже ближе к полуночи температура снижалась всего градусов на пять-шесть. А если учесть, что за день дом как следует раскалялся, то две трети ночи уходило на то, чтобы найти в квартире более или менее прохладное место. Я то устраивалась подремать на полу, то уходила на балкон, то вновь возвращалась в комнату.

Конечно, наличие кондиционера решило бы эту проблему, но, по прогнозам, не должна была стоять такая безумная жара, а прошлое лето вообще было прохладным. Только две или три недели держалось приемлемое тепло. Намучившись от жары, к следующему лету я твердо решила обзавестись подходящей сплит-системой. Вообще, самым лучшим для проживания, на мой взгляд, временем года в Тарасове была именно осень, потому что весна достаточно быстро, без всякого плавного перехода, трансформировалась в жаркое лето, а зимой морозы нередко достигали тридцати градусов. Вот такие вот прелести резко континентального климата!

Дом Ольги Ермаковой представлял собой типичную пятиэтажную «хрущевку». Слава богу, в таких домах не предусмотрены мусоропроводы и лифты. Эти приспособления, призванные создать комфорт, на деле приводили к сплошному расстройству. Уже ни для кого не было секретом, что лифты по совместительству были еще и общественными туалетами, а мусоропроводы – рассадниками мух, тараканов и крыс. К тому же первые довольно часто застревали между этажами, и приходилось довольно долго ждать освобождения из «плена», а вокруг вторых, как правило, вечно валялись горы мусора.

Нужный мне подъезд на Главной Казачьей порадовал глаз чистотой и порядком. Наверное, здесь недавно был произведен ремонт, а может быть, сами жильцы предпочитали жить не по-свински, а по-человечески. Я сразу нашла тридцать четвертую квартиру, дверь в нее была открыта. Из квартиры доносились приглушенные голоса, причитания и всхлипывания. Я вошла и, пройдя полутемную прихожую, оказалась в комнате. Она была достаточно просторна и обставлена современной дорогой мебелью. В другое время ее можно было бы назвать уютной, но сейчас посередине стоял гроб, пряно пахло свечами и витал непередаваемый словами, но очень остро ощущаемый запах горя и невосполнимой утраты. Ко мне подошла Ася.

– Я хочу понаблюдать за обстановкой, – тихо сказала я ей. – Бывает, что незначительная на первый взгляд деталь, фраза или что-нибудь еще дают ключ и помогают найти искомое.

– Хорошо, не буду вам мешать, – ответила Ася. – Тут почти все Олины коллеги и просто знакомые, но я толком никого не знаю. Так что в этом я ничем не смогу вам помочь.

– Это необязательно, – успокоила я ее. – Я просто постою в сторонке.

– Вон та девушка, – Ася показала мне ее кивком головы, – младшая сестра Оли, Кира.

Я увидела молоденькую блондинку с заплаканными карими глазами, поправлявшую кружевное покрывало. Ася тем временем куда-то отлучилась, а я подошла к балконной двери и, выбрав удобный ракурс, стала рассматривать находившихся в комнате людей.

Это были хорошо, даже богато одетые люди и несколько старушек, очевидно, соседок. В основном царило скорбное молчание, изредка прерываемое недоуменными репликами типа: «Сердечный приступ? Но ведь она никогда не жаловалась на сердце, и ведь такая молодая!» Очевидно, что им не были известны все подробности смерти Ольги. Время от времени одна из старушек начинала негромко, горестно причитать:

– И на кого же ты нас покинула, милая-я! И как же мы без тебя теперь бу-удем! Светлая ты наша! Царствие небесное!

Побыв еще какое-то время в комнате, я потихоньку вышла в коридор. Так и не узнав ничего существенного, я направилась к выходу. Проходя по довольно длинному коридору, я услышала мужской и женский голоса, доносившиеся с лестничной клетки.

Мужчина:

– Ну что, Окс, ты довольна? Но если ты рассчитываешь на продолжение наших отношений, то глубоко ошибаешься! И знаешь, почему? Во-первых, в одну и ту же реку дважды не войти, а во-вторых, ты и мизинца ее не стоишь.

Я машинально нажала кнопку диктофона. Женский голос зазвенел от обиды и возмущения:

– Ты что, меня подозреваешь?! Да ведь она дала тебе от ворот поворот... Так, значит, это ты?

Теперь уже мужчина весь закипел от гнева:

– Ты думай, что говоришь!! Я любил ее больше жизни!

По ступенькам дробно застучали каблуки, напоследок женщина сказала:

– Вот-вот! Не твоя – значит, ничья.

Мужчина, видимо, поспешил за ней, потому что я услышала только начало фразы:

– Нет, ты подожди...

В одну секунду я пересекла прихожую и бросилась за ними, но в это время меня очень некстати окликнула Ася:

– Таня, подождите! Вот, возьмите, – она протянула мне записную книжку в дорогом кожаном переплете. – Это Олина книжка, может быть, вы найдете в ней что-то важное?

Поблагодарив Асю, я сунула книжку в сумочку. Нечего и говорить: когда я, стремительно пробежав по ступенькам, оказалась в подъезде, он был пуст. Могла ли я проигнорировать оклик Аси и попытаться догнать мужчину и женщину, встретиться с ними, так сказать, лицом к лицу? Ведь их диалог был достаточно красноречив и о многом говорил. Разговаривали некая брошенная соперница Ольги и брошенный ею поклонник. Конечно, я могла бы задержать их, и, возможно, очень многое тогда прояснилось бы. Но почему-то я этого не сделала, а почему – я и сама не смогла себе объяснить. Иногда в моих расследованиях случаются такие моменты, не поддающиеся объяснениям с точки зрения логики. Хотя, с другой стороны, и мистика в них не присутствует. Ну, да ладно. Нечего жалеть об упущенных возможностях, надо искать новые.

Было обеденное время, и я решила, что неплохо бы пообедать. Это можно сделать и дома, только вот ингредиентов для приготовления обеда у меня кот наплакал, да и кулинарка я, если честно, никакая. В холодильнике, правда, всегда присутствует дежурная пачкапельменей. И если я стою перед выбором: пельмени или суп, то всегда предпочитаю первое, потому что процесс приготовления пельменей гораздо менее трудоемкий и длинный по сравнению с супом: овощи вымой и перебери, мелко нарежь, спассеруй на медленном огне, и... В общем, я решила заглянуть в какое-нибудь кафе и там отобедать. А почему, собственно, в какое-нибудь? Надо наведаться в «Красный конь», ведь именно там случилось трагическое событие, причину которого я сейчас расследую. Там и подкреплюсь, там и получу, надеюсь, необходимые для дальнейшего ведения дела факты.

В «Красном коне» я уже бывала, и не раз, многих из обслуживающего персонала знала по именам. Мне нравился ненавязчивый, деликатный сервис этого заведения, достаточно широкий выбор блюд, умеренные цены. Интерьер – одну из стен занимала репродукция известной картины Петрова-Водкина «Купание красного коня» – был достаточно оригинальным. Видимо, отсюда и название кафе. Я вошла в помещение, села за столик у окна и посмотрела по сторонам. В зале было достаточно многолюдно, и несколько официантов сновали туда-сюда без остановки. Тем более было странным видеть на фоне такой суеты скучающую молоденькую официантку неподалеку от меня. В коротком синем платье, от талии прикрытом кружевным

передником, в крохотной белой шапочке на пышных черных кудрях, она стояла и меланхолично смотрела на улицу. Я ее здесь видела впервые.

– Девушка, примите заказ, – обратилась я к ней.

Она медленно обернулась, нехотя подошла.

– Скажите, чья смена была пятнадцатого сентября?

– Ну, моя, – буркнула она. – А в чем дело?

Я вытащила из сумочки фотографию Ольги и положила на столик:

– Эта женщина была здесь?

– Слушай, ты че, из ментовки, что ль? – вдруг окрысилась она. – Так были уже из твоей конторы, я все им рассказала!

Хамство юной особы возмутило меня до глубины души. Понятное дело, я не рассчитывала на бескорыстный разговор, для таких случаев у меня всегда имелись наготове несколько купюр. Но, как правило, мои собеседники держались в рамках приличия. Я уже собиралась было поставить на место зарвавшуюся нахалку, но тут события повернулись неожиданным образом. Девушка сорвала с себя шапочку и передник, швырнула их на пол и пронзительно заверещала на весь зал:

– Все! Достали все! Сегодня же сваливаю из этой конюшни!

«Броуновское» движение официантов прекратилось, оживленный разговор в зале разом стих, все заинтересованно повернулись в нашу сторону. Официантка продолжала возмущенно орать:

– У них тут люди мрут как мухи, и ментовня всякая шляется!

В это время откуда-то из глубины зала показался среднего роста, плотной комплекции мужчина. Он кивнул кому-то вглубь, обвел глазами зал и уверенными шагами направился ко мне.

– Прошу прощения за инцидент, – он склонил голову. – Илья Александрович, управляющий, к вашим услугам.

– Татьяна Александровна, – отозвалась я.

В это время высокий плечистый охранник уже уводил разбушевавшуюся девушку.

– Татьяна Александровна, – снова обратился ко мне управляющий, – позвольте мне загладить это неприятное впечатление... Прошу в мой кабинет.

В кабинете он усадил меня в глубокое кресло, в котором я чуть было не утонула, и сам сел в такое же, напротив меня. Я чуть скосила глаза влево и увидела монитор, изображавший все происходящее в зале. Публика постепенно успокаивалась, официанты снова курсировали между столиками.

– Татьяна Александровна, еще раз великодушно извините, эта девушка была взята на испытательный срок. В порядке компенсации за моральный ущерб предлагаю вам отобедать за счет заведения. И, конечно же, люди у нас не мрут как мухи, – он с извиняющейся улыбкой развел руками. – Явное преувеличение!

– Но ведь пятнадцатого сентября как раз произошел такой случай?

– Да, но я уже объяснялся с органами. Ведется следствие. Ваши коллеги...

– Илья Александрович, я не из органов. Я – частный детектив.

– Детектив? Да вы что? Правда, что ли?

– А что, не похожа?

– Да как-то... По правде сказать... Вы так молоды...

– Ну, этот недостаток исчезнет через некоторое количество лет. Это – не навсегда, – улыбнулась я. – А если серьезно, Илья Александрович, могу я поговорить с кем-нибудь из обслуживающего персонала, в чью смену все это произошло?

– Да, конечно. Я только взгляну на график.

Он поднялся с кресла, пересел в другое, за стол, и щелкнул «мышью».

– Света работала в тот день. Она, кстати, и обнаружила потерпевшую. Сейчас я все устрою.

Он нажал какую-то кнопку, минуты через две вошел охранник, и Илья Александрович распорядился вызвать Свету. Вскоре в кабинет вошла несколько недоумевающая Света:

– Вызывали, Илья Александрович?

– Светочка, знакомьтесь: Татьяна Александровна, частный детектив, хочет с вами побеседовать. Располагайтесь у меня, здесь вам никто не помешает. – С этими словами он вышел и закрыл за собой дверь.

– Ой, а вы и правда детектив? – совсем как Илья Александрович перед этим, спросила Света, миловидная стройная девушка.

– Да, так уж вышло. Света, расскажите о том случае, пятнадцатого сентября, когда была обнаружена погибшая женщина. Это, кстати, она? – Я снова достала из сумочки фотографию.

– Она, она! Когда они еще только вошли, я сразу почувствовала неладное...

– Подождите, кто «они»? Женщина была не одна?

– Не одна. С ней был мужчина, он мне сразу не понравился, какой-то скользкий, в общем, неприятный тип. Хотя одет с иголочки и внешне вроде бы ничего: высокий, довольно густые волосы, но все равно...

– Света, вы можете описать его внешность поподробнее? Форма носа, губ и так далее?

– Так я уже это делала, в милицию меня вызывали как свидетеля, потому что я первая обнаружила... женщину эту...

– Значит, в милиции есть фоторобот? Ну, портрет мужчины, составленный на компьютере с ваших слов? – пояснила я.

– Да, это все было, – подтвердила Света. – Владимир Сергеич, ну, начальник в милиции, еще похвалил меня, сказал, что очень четко дала описание, а вот Пушкин...

– Постойте, какой еще Пушкин?

– Ну, это я так про себя назвала помощника Владимира Сергеича, очень уж он на Пушкина похож! Такой весь кучерявый и с бакенбардами. Он, наверное, потому был недоволен, что ему пришлось долго подбирать фрагменты: Алена, моя напарница – она здесь совсем недавно, – тоже работала в тот день и все никак не могла описать того мужчину. То одно путала, то другое.

«Немудрено, с таким-то отношением к делу, – подумала я. – А что это за Владимир Сергеич такой, уж не Киря ли часом?»

– Расскажите, как все произошло?

– Да ведь ничего такого и не происходило. Они вошли, сели за столик, сделали заказ. Я принесла кофе и десерт, кажется, пирожные. Потом мужчина куда-то вышел, я стала обслуживать другие столики. Через какое-то время гляжу: эта женщина сидит, положив голову на руки, а мужчина так и не вернулся. Я ее тронула за рукав, спрашиваю: «Вам плохо?» Она молчит. Я тогда – к Илье Александровичу. Вызвали «Скорую», те сказали – сердечный приступ. Вот и все.

– Света, эта женщина никуда не выходила?

Света на секунду задумалась:

– Из кафе – точно нет. Но она отходила от столика, говорила по сотовому... Точно, этот мужчина еще сказал: «Кофе остынет».

– Спасибо, Света, вы мне очень помогли.

– Ну, что вы! – Света мило улыбнулась. – Никак не могу представить себе, что вы детектив. Ой, ну надо же...

«Ну, да, я ведь не похожа на мисс Марпл, отсюда такое недоверие».

Отобедала я на славу. Как и обещал Илья Александрович, за счет заведения. Я вышла из кафе и вскоре оказалась на центральной улице города, на так называемом тарасовском Арбате (по аналогии с московским). Да и в остальном мы мало чем уступали столице: в нашем городе имелись все атрибуты свободы и демократии, в том числе и ночной бар, казино, путаны, суте-

неры и так далее, и тому подобное. Внешне Тарасов тоже преобразился: он стал более респектабельным. Каждая торговая точка (а таковых на бывшем проспекте было великое множество) стремилась «отделаться» с не меньшим шиком, чем соседи. Сайдинг, мраморные ступеньки, кованые решетки, прочие изыски...

Поэтому известная фраза не менее известного литературного героя: «В деревню, в глушь, в Тарасов, к тетке» утратила свое первоначальное значение. Перефразируя слова другого знаменитого персонажа, можно было сказать: «Кто считает, что мы полные провинциалы, пусть тот первым бросит в меня камень».

Дома я принялась изучать содержимое записной книжки Ольги, переданной мне Асей. Почти каждая страница была заполнена датами, фамилиями с инициалами или просто именами и номерами телефонов. На некоторых листках указывались назначенные встречи с названием места. Все это Ольга записывала красивым каллиграфическим почерком, наверное, в начальных классах учительница ставила ей по чистописанию одни пятерки.

Я дочитала книжку до конца. Мое внимание привлекла последняя запись: М.К.А., 15.09, в 12.30. Это же та самая дата, когда Ольга была обнаружена в кафе! А М.К.А. – наверняка фамилия, имя и отчество ее убийцы!

Я вышла на балкон. Уже стемнело, и сквозь черный бархат неба просвечивали серебряные звезды. В окнах домов горел свет, и город напоминал черный шелковый плащ с рассыпанными по нему крохотными алмазами... Завтра я наведаюсь в милицию за фотороботом. Надо будет также нанести визит в «Мадонну». А сейчас – вечерний душ и спать!

Глава 2

Как же приятно лежать в постели, если больше нечего делать... Правда, можно понежиться, и когда есть дела. Просто пустить их побоку и тоже полеживать себе. Только в этом случае червячок долга упрямо точит твоё нутро и сводит на нет сладостное ощущение неги и покоя. В итоге вставать рано или поздно все равно приходится, но уже с досадой – оттого, что и работа не сделана, и отдых скомкался. И время к тому же безвозвратно ушло!

Впрочем, все вышесказанное относится прежде всего к физической работе, например, к бытовой: произвести уборку или, скажем, стирку-глажку-готовку. Совсем иначе – при умственном труде. Вот здесь как раз наблюдается полная гармония: лежать и думать – два идеально совместимых занятия. Мой мыслительный процесс этим утром начался самопроизвольно, едва я открыла глаза. И начался он, собственно, с того, чем закончился вчера вечером. Я снова начала размышлять над известными мне фактами. Ольгу Ермакову отравили. Кому-то она очень мешала. За что ее могли убить в принципе? Ну, тут несколько вариантов: она знала что-то такое, чего не должна была знать. Ведь говорила же Ася, что в телефонном разговоре с Ольгой та намекнула ей, что есть две новости, и одна из них – не очень хорошая. Вопрос в том, для кого она была неприятной: для Ольги или для Аси? Могла Ольга поделиться со своей лучшей подругой своими проблемами? Вполне. И проблемы эти могли касаться как личной ее жизни, так и лежать в плоскости бизнеса. Но, с другой стороны, у Ольги было приподнятое настроение, хотя, по словам Аси, в ее голосе проскальзывали и тревожные нотки.

А если предположить, что Ольге стало известно нечто, касающееся самой Аси? Если существовал некто, кто не мог (не могла или не могли) допустить, чтобы некое известие дошло до Аси. Тогда Ольгу устранили как нежелательного свидетеля. В самом деле, личная встреча Аси и Ольги должна была состояться вечером того самого дня, когда и произошло роковое событие. И кто за всем этим стоит? Мужчина, спутник Ольги в кафе? Ведь только он мог подмешать яд в кофе, когда Ольга отходила с сотовым от столика. Значит, он – заказчик и исполнитель в одном лице? Ничего это не значит! Он в равной степени мог быть только исполнителем, а заказчиком – женщина, хотя бы та самая Окс, явившаяся на панихиду. Да... Как ни крути, а мне необходимо описание спутника Ольги, а еще лучше – его фоторобот. Да и с делом не мешает ознакомиться, даже если господа менты собираются его закрыть, выставив Ольгу наркоманкой. Сама, мол, и убила себя.

Итак, хватит думы думать, надо делать дела! Я потянулась и решительно встала с постели. Дальнейшие действия развивались по давно ставшей привычной схеме: душ-кухня-сигарета. Я оделась и уже было взялась за ручку входной двери, но потом передумала, вернулась в комнату и сняла телефонную трубку. Что-то мне подсказывало, что дело Ермаковой находится у Кири – подполковника милиции Кирсанова (возможно, тому причиной были слова официантки Светы, что «главного» в отделении, где составлялся фоторобот, звали Владимиром Сергеевичем), а застать его на месте было делом нелегким. Поэтому я предварительно позвонила.

– Кирсанов на телефоне, – ответили мне через минуту.

– Да? А я думала, под телефоном!

– А почему «под телефоном»? Кто это вообще? Иванова... ты, что ли?

– Я, я! Кто же еще может осмелиться так разговаривать с самим подполковником милиции?

– Ты лучше спроси, кто, кроме подполковника милиции, может позволить тебе так разговаривать?

Ну, кто! Мало ли кто? Вот – Гарик Папазян. Он и не такое от меня выслушивает! Но вслух я ничего не сказала. В трубке между тем слышались громкие голоса, определенно женские, с

явными истерическими нотками. Однако странно! Обычно у Кири царит спокойная деловая обстановка, без излишнего крика и... женщин.

– Кирия, ты себе гарем, что ли, организовал?

– Ладно, Танюх, кончай прикалываться. Говори по делу.

– Ну, а когда же я без дела, Киречка? В ближайшее время будешь у себя? Ты мне нужен.

– Буду, буду. Я всем нужен, – ворчливо пробубнил Кирсанов.

Вот теперь можно ехать. Я добралась до места, припарковалась, поднялась по лестнице. Кивнув дежурному (меня уже все знали и беспрепятственно пропускали), я прошла по коридору налево и остановилась перед знакомой дверью. Женский голос истошно вопил, что ни за что на свете не даст дотронуться до себя мужчине, пусть уж лучше ее застрелят на месте! Да что же такое творится в кабинете подполковника, в конце-то концов? Я открыла дверь – да так и осталась стоять на месте. Зрелище было более чем впечатляющее. Прямо передо мной извивалась и брыкалась девица весьма легкомысленного вида. Она пыталась вырваться из рук сотрудника милиции, который методично, со знанием дела обыскивал ее.

– Нету у меня ничего, нету и не было! – как заведенная, повторяла она.

На пол упал маленький пакетик с чем-то белым внутри, потом еще один...

– Говоришь, нету ничего? А что ты только что выбросила на пол?

– А не мое это, не мое! – снова заверещала девица. – Откуда мне знать, что ты мне подсунул, пока тискал меня?

– Вот кукла чертова! Да кому ты нужна, тискать тебя? Сейчас же подними наркоту с пола!

– Да, счас! Спешу и падаю! Не мое это, – завела свое девица.

– Так сейчас будет твоим! – потерял терпение сотрудник.

Он поднял пакетики с пола, затолкал их упиравшейся девице в задний карман джинсов, потом схватил со стола пудреницу, расческу, еще какую-то мелочь, тоже принадлежавшие, видимо, задержанной, и запихнул их в тот же карман, наполовину разорвав его.

– А-а-а, это не считается, не считается! – вновь завопила девица.

Да, сцена еще та! Глеб Жеглов отдыхает! Сотрудник увел задержанную. Она еще умудрилась разорвать на себе блузку, и теперь уже в коридоре раздавались ее истошные крики о поруганной женской чести.

А где же Кирия? А Кирия в это время скромно сидел за своим столом у окна и жевал бутерброд, запивая его чаем. Я не сразу заметила подполковника среди всей этой кутерьмы.

– Здравствуй, Кирия, – поздоровалась я и тут увидела Пушкина. Нет, не Александра Сергеевича, конечно, но человека, очень на него похожего. У него были черные кудрявые волосы и бакенбарды. Как у великого поэта. Все так, как и описала официантка Света. Для полного сходства не хватало разве что сюртука, трости и шляпы-цилиндра. «Пушкин» сидел напротив Кирсанова, у второго окна. При имени «Кирия» он оторвался от клавиатуры компьютера, посмотрел на меня и хмыкнул.

– Привет, Татьяна, – промычал Кирия с набитым ртом.

Наверное, не успел позавтракать, вот теперь и совмещает завтрак и службу.

– Слушай, Кирия, что это ты вертеп какой-то устроил у себя в кабинете?

«Пушкин» снова ухмыльнулся. Кирия покосился на него, отодвинул недоеденный бутерброд, встал из-за стола и двинулся ко мне.

– Давай-ка выйдем на минутку, – и он взял меня под руку.

В коридоре Кирия сделал умоляющие глаза:

– Танюх, я думал, ты понимаешь, что «Кирия» я для тебя только в отсутствие третьих лиц?

– Ой, прости, пожалуйста, это по старой привычке, вырвалось невольно.

– Невольно один раз может вырываться, а ты уже дважды...

– Поняла, поняла, больше так не буду, – клятвенно заверила я. – Так что это за светопреставление здесь было? С битьем себя в грудь, с криками: «Обесчестили, ироды»?

– Да, понимаешь, тут рейд ребята проводили, ну и задержали одну по подозрению в хранении наркотиков. А в соседнем кабинете сейчас ремонт идет, вот они ко мне и попросились...

– Понятно. А я уж, грешным делом, подумала...

– Да ты всегда думаешь не то, что надо!

– Обижаешь, начальник!

– Тебя обидишь...

– А что это здесь делает «Пушкин», то есть я хотела спросить, у тебя новый сотрудник появился?

– Да никакой он не сотрудник, так, одно недоразумение. Стажер, короче. Только и есть, что внешность примечательная, а в оперативном деле – ни бельмеса.

– Стажеров не выбирают, – философски заметила я.

– Сашка сейчас в отпуске, – это капитан Сергеев, я его давно знаю как хорошего профи, – дел невпроворот, а этому «Пушкину» что ни поручи, ничего толком не может, – Кирия никак не отреагировал на мою фразу о выборе стажеров. – Отравление в кафе со смертельным исходом, убийство в подъезде, – начал перечислять он.

– Стоп! – перебила я его. – Мне нужно про отравление. Кто им, кстати, занимается?

– Угадай с трех раз.

– Да тут и с одного делать нечего. Конечно, твой новый «любимый» стажер! Это ж надо додуматься, заявить, что потерпевшая скончалась от передозы! Значит, так. Мне нужен фоторобот спутника Ольги Ермаковой и желательно ознакомиться с самим делом.

– Это я тебе сейчас организую. – Кирия заметно повеселел, обрадовался, наверное, что хоть одно дело можно пристроить в хорошие руки.

– Евгений Николаич, – подчеркнуто официально обратился к «Пушкину» Кирия, вернувшись в кабинет, – это наш новый сотрудник, Татьяна Александровна. С сегодняшнего дня вы у нее в подчинении. Так что прошу любить и жаловать. И ознакомьте Татьяну Александровну с делом Ермаковой. А я вас покину, у меня дела, – и с этими словами Кирия вышел за дверь.

– Итак, она звалась Татьяной, – как бы про себя, очень тихо произнес стажер, снова уткнувшись в дисплей.

А у меня, как назло, очень хороший слух. Впрочем, зрение тоже. Да и все остальное... Слегка подавшись вперед, я увидела, что «Пушкин» самым наглым образом играет в одну из компьютерных игр. Это в рабочее-то время! Это когда дел невпроворот и бедный Кирия просто зашивается! Ну, сейчас я ему устрою «ходилки-бродилки-стрелялки»!

– Евгений Николаич, – начала я, – на вас поступила жалоба от родственников погибшей Ермаковой. За халатное отношение к проводимому вами расследованию. За то, что расследование никак не сдвигается с мертвой точки. Сами понимаете, чем это чревато! Жалоба направлена... пока что – в районную прокуратуру. В общем, неполное служебное несоответствие. Или полное несоответствие. Как вам больше нравится?

– Да я... – «Пушкин» щелчком «мыши» закрыл файл с компьютерной игрой.

– Вы сейчас ознакомьте меня с уже имеющимися по делу фактами и с фотороботом спутника потерпевшей, а сами составите план дальнейшего расследования. Вам все понятно?

– Так точно... – стажер вопросительно взглянул на меня, явно ожидая, что я назову свое звание. Я махнула рукой, дескать, в данном случае обойдемся и без субординации.

Он порывшись в компьютере и через минуту распечатал мне и фоторобот, и запись в деле номер «одна тысяча двести три». Дело, прямо скажем, не многотомное, на «Войну и мир» оно никак не тянуло. А уж если быть совсем беспристрастной, то все записи ограничивались лишь описанием места происшествия, внешности погибшей, данных судмедэкспертизы и опросом свидетелей.

Итак, что у нас тут имеется? Так, фотография Ольги, такая же, которую дала мне Ася, только уменьшенная... Дальше: «Ермакова Ольга Федоровна. Год рождения – 1975-й. Место

рождения – город Тарасов. Образование – среднее специальное, закончила тарасовское хореографическое училище, работала в балетной труппе академического театра оперы и балета. С 1988 года – частный предприниматель, генеральный директор магазина дамской одежды «Мадонна». 15 сентября Ермакова Ольга Федоровна без признаков жизни была обнаружена официанткой Евстафьевой Светланой Юрьевной в кафе «Красный конь»... Так, далее: «местоположение трупа – сидячее, голова – покоится на руках... Была вызвана «Скорая помощь», работники которой диагностировали острую сердечную недостаточность... Заключение судебно-медицинской экспертизы: смерть наступила в результате отравления... – Дальше шло длинное латинское название... – Погибшая имела при себе сумку коричневую кожаную. Содержимое сумки: портмоне коричневое кожаное с тремя отделениями, косметичка, расческа... брелок с ключами...»

Все это я быстро пробежала глазами, не найдя для себя ничего нового. А вот фоторобот привлек мое внимание. Мужчина... Пышная шевелюра (не как у «Пушкина», конечно, но все же), густые брови практически сходятся на переносице, нос прямой, глаза глубоко посажены; тяжелый, почти квадратный подбородок; лоб пересекают несколько возрастных морщин. И показания свидетельницы Евстафьевой С. Ю.: «На вид мужчине лет 50—52, рост – выше среднего, полноватый, одет в костюм темно-синего цвета, белую рубашку, галстук серый в черную полоску... Особые приметы отсутствуют». Ну, что же, и на том спасибо. Я свернула распечатки в трубочку, положила их в сумку. Взглянула на «Пушкина»: тот по-прежнему сидел за компьютером. Скосила глаза на дисплей: на нем заглавными буквами был набран внушительный заголовок: «План оперативно-разыскных мероприятий по делу № 1203». Чуть ниже застыла арабская цифра «один» с точкой справа. Видимо, дальше мысль стажера заколдовалась. Я мысленно посочувствовала Кире (вот же дал бог помощничка!) и пожелала, чтобы Санек побыстрее вернулся из отпуска.

– Евгений Николаич, – окликнула я стажера, казалось, впавшего в прострацию перед компьютером.

– А? Что?

– План! План действий по поимке преступника, – напомнила я и вышла из кабинета, так и не дождавшись возвращения Кири.

Уже сидя в машине, я вспомнила, что еще ни разу не посоветовалась со своими гадальными костями. Еще в древности было замечено, что информация о тех событиях, которые вскоре должны произойти, может проявить себя уже в настоящем. И свершиться это может через определенные явления или чьи-то действия. Собственно, на этом и основано гадание на трех двенадцатигранных костях. Техника гадания очень проста: нужно метнуть их на стол или любую другую гладкую поверхность, посмотреть, какие выпали цифры, и найти расшифровку их комбинации, то есть толкование.

Однако существуют еще и отдельные нюансы. Например, очень многое зависит от степени настроенности гадающего, от концентрации его внимания на волнующей его проблеме. Я всегда прибегаю к гаданию в трудных случаях или когда меня одолевают сомнения. Или же в самом начале расследования. В данном деле я как-то подзабыла это сделать. Но по опыту я знала, что обычно ответ Судьбы напрямую зависит от количества собранной информации. То есть чем больше ее, этой информации, тем более содержательным будет ответ. Надеюсь, сведений у меня уже достаточно, чтобы приступить к гаданию.

Поскольку важно не просто бездумно бросить кости, а прежде всего правильно сформулировать вопрос, то на некоторое время я задумалась. Потом вынула из сумки замшевый мешочек (он всегда со мной, ведь заранее не знаешь, когда потребуются посоветоваться с высшими силами), достала кости, некоторое время подержала их в руке, чтобы передать им свою энергию, свой настрой (это тоже важно), и только после всего этого бросила их на сиденье своей «девятки». Одна из косточек упала вниз, но я ее тут же нашла. Комбинация выпала следующая: 13 + 3 + 25. Расшифровку этого значения (да и всех остальных тоже) я знала наизусть,

и она меня сначала несколько обескуражила: «Вы понапрасну растрчиваете время и средства». Интересно, в каком смысле? Ведь не могут же быть мои визиты и в кафе, и к Кире, и на прощальную церемонию, в конце концов, пустой тратой времени. Я собрала некоторую информацию (не всю, конечно, и далеко не исчерпывающую), проанализировала ее. Пришла к определенным выводам... Может быть, ответ костей отчасти относился к моему дальнейшему намерению отправиться в «Мадонну», чтобы непосредственно на месте прощупать деловое окружение Ермаковой? Этот этап в моем расследовании я никак не могла опустить. Возможно, именно в бизнесе, а не в личной жизни Ольги, кроется какая-то тайна. Итак, в «Мадонну»! Но сначала надо перекусить, потому что у меня уже засосало под ложечкой. Дав себе слово, что сегодня я обязательно наведаюсь в супермаркет для пополнения запасов продуктов, я подрулила к заведению под названием «Улей», где и пообедала.

Потом я застряла в пробке. Те, кто за рулем, поймут меня без слов. Теперь, пожалуй, старое выражение «дураки и плохие дороги» звучит уже не так актуально, как слова о сплошных заторах. Средства массовой информации давно бьют тревогу: «Наш город задыхается от постоянно растущего количества транспортных средств... до полного коллапса всей транспортной системы областного центра остается максимум пара-тройка лет... нужны новые направления, новые основные магистрали... необходимо искать экономичные и эффективные способы решения проблемы». Нужно, нужно и еще раз нужно! А воз, как водится, и ныне там. Ей-богу, пешком передвигаться (на сравнительно небольшие расстояния, конечно) и быстрее, и безопаснее для нервной системы. Кроме всего прочего, мне пришлось припарковаться за несколько кварталов до «Мадонны», потому что магазин располагается на Немецкой, а эта улица в Тарасове является пешеходной зоной.

Я открыла дверь, спустилась по лестнице, огляделась по сторонам. Несколько молоденьких девушек столпились у одного из кронштейнов с одеждой и что-то оживленно обсуждали. Продавец-консультант, по возрасту такая же юная, как и покупательницы, ненавязчиво наблюдала за их шопингом, стоя чуть в стороне. Я решила не играть в «продавца и покупателя» и, подойдя к другой девушке в униформе, обратилась к ней с вопросом:

– Могу я видеть коммерческого директора?

– Зинаиду Олеговну? Пройдите за мной.

Вот так, очень кстати, я узнала, как зовут заместителя Ольги. Девушка открыла дверь с надписью «Служебный вход», и я вслед за ней вошла в коридор. Мы повернули вправо, миновали одну дверь и оказались в довольно просторном помещении офисного типа. Современная отделка, три компьютерных стола, при входе – кулер и стеклянная «горка» с чайной и кофейной посудой, несколько сувениров-безделушек, чуть поодаль – комнатное дерево в керамическом горшке.. В офисе находились две молодые женщины, которым и сдала меня моя провожатая, коротко объяснив: «Вот, к Зинаиде Олеговне». Одна из женщин, шатенка с короткой стильной стрижкой, приветливо кивнула мне:

– Присаживайтесь, пожалуйста. Вы по какому вопросу?

– По личному.

– Сейчас я узнаю. – Она сняла телефонную трубку и набрала номер: – Маша, Зинаида Олеговна еще не освободилась? Тут к ней по личному вопросу. Так, понятно... Хорошо. – Шатенка повернула ко мне прекрасно ухоженное лицо: – У директора сейчас посетитель. Подождите немного. Что вам предложить? Чай, кофе?

«Кофе, конечно же, растворимый», – подумала я. Терпеть не могу его! Уж лучше совсем никакой, чем растворимый.

– Спасибо, не беспокойтесь.

– Сок, минеральная вода? – не сдавалась шатенка.

– Минеральную.

– С газом или без?

– Без газа и, если можно, прохладную.

– Конечно. – Шатенка открыла дверцу холодильника, вытащила запотевшую бутылочку с этикеткой, на которой было написано «Природная вода. Надежда. Негазированная», открыла дверцу «горки», достала высокий узкий бокал и, откупорив бутылку, налила мне воды.

– Прошу вас. – Она подала мне стакан и вернулась за свой рабочий стол.

– Благодарю.

Вот это сервис! Интересно, здесь со всеми посетителями так предупредительно-вежливы? Пожалуй, я не смогла бы сейчас припомнить ни одного случая, чтобы со мной были бы так обходительны (я имею в виду те случаи, когда мне по ходу расследования приходилось общаться с офисными служащими; в лучшем варианте, мне милостиво позволят подождать, без всяких там чайных церемоний). Я маленькими глотками пила воду, сидя в глубоком кресле, и надеялась услышать что-нибудь от дам, находившихся поблизости. Обычно ведь подчиненные бывают в курсе всех сплетен, слухов, пересудов на фирме. А начальство и знать не знает, и ведать не ведает, какие «парижские тайны» известны их сотрудникам! Признаться, мне частенько таким образом приходилось добывать нужную информацию. Просто сидишь (или стоишь, это уж как придется) в самой гуще народа, в студенческой или рабочей среде, и слушаешь.

Но в «Мадонне» подобный способ сбора нужных мне сведений дал осечку. То ли сказались их особая вышколенность, то ли еще что, но дамы упорно не хотели обмениваться мнениями о делах магазина. Об Ольге Ермаковой – ни слова. Как будто не ее вчера похоронили! Никаких предположений насчет кандидатуры нового генерального директора. Ничего. Единственное, что позволила себе шатенка, так это по телефону договориться о времени сеанса косметического массажа лица.

– Ириш, – обратилась она к своей коллеге, сидевшей напротив за компьютером, – хочешь, я поговорю о тебе с моей массажисткой? Она делает и ручную чистку, и массаж шеи и зоны декольте. Использует профессиональные французские средства. Релаксация полная. Уже после первого сеанса чувствуешь себя такой помолодевшей! Ну, а если пройти полный курс – десять сеансов, то вообще... Я вот лично не чувствую себя на свои законные сорок. Ну, максимум года на тридцать два.

Сорок! Ничего себе! Я бы не дала ей больше тридцати. Вот что делают косметические процедуры и лечебно-профилактические средства! А вот про Иришу не скажешь, что ей тридцать два. Пожалуй, что и все тридцать пять. Какой-то тусклый цвет лица, расширенные поры.

– Ну, так как? Согласна?

Ириша без особого энтузиазма сказала «да». Правда, тут же заявила, что в ее двадцать девять лет еще можно подождать с косметическим вмешательством. С ума сойти! Она почти моя ровесница! Да, видно, недаром говорят, что не бывает некрасивых женщин, есть женщины ленивые.

Тут мои рассуждения на тему особенностей женской внешности оборвались, потому что дверь напротив меня открылась и из нее вышла та самая посетительница, о которой говорила шатенка в самом начале моего визита, а показавшаяся позади нее девушка в очках и с целой копной светлых кудряшек на голове обратилась ко мне:

– Вы к Зинаиде Олеговне? Проходите.

Я поднялась с кресла, но, как оказалось, рано. За спиной девушки показалась невысокая полная женщина средних лет.

– Маш! Я что, велела тебе приглашать? Ты что это самостоятельностью тут занимаешься? Вы ко мне? – спросила она, посмотрев на меня.

– Да, я...

– Обождите, вас пригласят. Маш, сколько раз я буду говорить, что нужно заменить контейнер для визиток? Ну, не видишь, что ли, что он мал, листки все погнулись?

– Зинаида Олеговна, ну, не было других контейнеров! Тот, что я вчера купила, был побольше, но вы сказали, что он тоже не годится.

– Конечно, не годится. Визитки в нем разлетаются во все стороны, а они должны лежать аккуратной стопочкой. Разве не ясно? Сколько раз можно говорить об одном и том же?

– Ну, Зинаида Олеговна, ну, где я возьму другой? В магазине всего один, последний, остался, и вообще...

– Так, Мария, – повысила голос Зинаида Олеговна, – поговори еще у меня! Иди в другой магазин, хотя... нет, сиди на месте, ты мне еще понадобится. Ирина, вы там чем занимаетесь? Сходите-ка в магазин сами и купите, наконец, подходящий контейнер. Да, и пыль со стола сотрите, на него смотреть противно! А вы, – обратилась она ко мне, – подождите. Мария, покажи Ирине образец визитки, чтобы она сориентировалась с размерами.

С этими словами она скрылась за дверью кабинета. Маша последовала за ней. Шатенка встала из-за стола и вышла в коридор. Вскоре дверь кабинета снова открылась: Маша вручила Ирине визитку – картонный прямоугольник, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор.

– Маш, ну, ваще, – почти шепотом начала Ирина, опасливо косясь на дверь кабинета, – ну, че она все время цепляется, цепляется, все ей не так!

– Да ладно, Ир, не бери в голову, и ваще – «забей». Меня она тоже все время гнобит, типа, я – «тормоз», не въезжаю, ну, и все такое...

– Мужика бы себе завела, что ли, может, поменьше бы лезла во все дыры! «Пыльный стол» ей, видите ли! Да Вера Борисовна здесь все каждый день вылизывает. – Ирина встала из-за стола, взяла сумку и направилась к двери.

– Мария, – раздался из кабинета голос Зинаиды Олеговны, – ты где там застряла? Пригласи человека, пусть проходит.

Я вошла в кабинет. Он был почти в два раза меньше, чем то помещение, где я только что дожидалась приема. От него веяло уютом, если это определение вообще применимо по отношению к офисам. Нет, в самом деле: небольшой стеллаж вдоль одной из стен, заполненный книгами, низкий стеклянный столик и около него два кресла, а позади них невысокий торшер образовывали нечто вроде зоны отдыха. На стене напротив стеллажа – несколько картин в золоченых рамах. Сама же рабочая зона состояла из письменного стола, к которому примыкал еще один (скорее всего, предназначенный для ведения переговоров), и чуть поодаль – стол секретаря. Зинаида Олеговна встала из-за стола. Секретарь Маша, наоборот, села за свое место.

– Слушаю вас, – сказала Зинаида Олеговна.

– Я – частный детектив и пришла к вам, поскольку сейчас расследую убийство Ольги Федоровны Ермаковой.

– А... А разве ее убили?! Ведь... был сердечный приступ... насколько мне известно.

– Стало быть, вам не все известно, Зинаида Олеговна. Скажите, у Ольги Федоровны были враги?

– Враги? Какие враги? Нет, врагов не было, откуда им взяться? – Зинаида Олеговна отошла к окну.

– Ну, как – откуда? Ведь любой бизнес всегда сопровождается завистью, недоброжелательством, конкуренцией, в конце концов.

Я тоже встала и подошла к рабочему столу. На нем лежали какие-то прайсы, ксерокопии, стопка договоров, стояла чашка с недопитым чаем и, кроме всего прочего, находился ежедневник. Я сразу узнала почерк Ольги.

– Это ведь стол Ольги Федоровны?

– Да, – ответила коммерческий директор, – но поскольку я сейчас временно исполняю обязанности...

– Разрешите, – перебила я ее и уселась в кресло, не обращая внимания на протестующее выражение лица Зинаиды Олеговны. Затем я перелистала ежедневник: практически все записи

в нем и в записной книжке покойной совпадали. Не хватало только последнего листка с датой 15 сентября, вторник. Так, возьмем это на заметку.

– Так как же насчет конкурентов? – повторила я свой вопрос.

– Дела в магазине идут очень даже неплохо. А перед своей... в общем, совсем недавно Ольга Федоровна была в Ереване и заключила очень выгодный для нас контракт с одной из местных фирм, специализирующейся на изготовлении дамской одежды.

– Дайте мне координаты этой фирмы и адрес гостиницы, где останавливалась Ольга Федоровна.

– Ладно, – она немного помедлила.

Я вопросительно посмотрела на нее:

– Какие-то проблемы?

– Маша, – обратилась Зинаида Олеговна к секретарю, – подготовь все данные.

– Хорошо, Зинаида Олеговна.

– Давайте продолжим, Зинаида Олеговна... Скажите, были ли назначены какие-либо встречи на 15 сентября, я имею в виду тот самый день, когда Ольгу Федоровну обнаружили мертвой в кафе?

Зинаида Олеговна заметно побледнела и прошлась взад-вперед перед окном.

– Кажется, нет... Впрочем, наверняка... сказать не могу, – наконец выдавила она из себя.

– Вот как? Но ведь в ежедневнике Ольги Федоровны нет листка именно с этой датой. Он явно вырван. Вот, взгляните: остался лишь клочок. Как вы объясните этот факт? А?

Поскольку коммерческий директор ничего не ответила, я продолжила:

– Вы что-то скрываете от меня, Зинаида Олеговна.

– Почему это?

– Вы не вполне откровенны со мной! Интуиция мне подсказывает, что вы что-то недоговариваете. А уж она меня никогда не подводит... Так как? Ничего не хотите мне сказать? Ну, ладно. Тогда у меня к вам еще один вопрос. Что вы можете рассказать о жизни Ольги Федоровны, так сказать, вне стен «Мадонны»? Я имею в виду личные обстоятельства.

Зинаида Олеговна совсем смешалась и нервно покачала головой:

– Ну, что вы, что вы, я ничего не знаю, и как это вообще можно обсуждать... Извините, – и, взяв сотовый, она стремительно вышла из кабинета.

– Вас интересует, были ли у Ольги Федоровны поклонники, ведь так? – подала голос Маша.

Я посмотрела на нее. Если с первого взгляда она напомнила мне этакую кудрявую болонку, то теперь я усматривала в ней определенное сходство с воспитанницей института благородных девиц. Совсем молоденькая, семнадцати-восемнадцати лет, ни грамма косметики (да, впрочем, в ней и не было нужды, на ее лице играли свои, природные краски), миленькое платьице в рюшах и оборках. Небольшой вырез целомудренно прикрывал зону декольте. Совсем нетипичный представитель многочисленной армии секретарш. А с другой стороны, зачем ей боевой раскрас при отсутствии босса-мужчины? У них здесь вообще женское царство. Я бы не удивилась, если бы выяснилось, что и на должности охранника – тоже женщина. Затем я мысленно представила, как бы выглядела девушка, если бы размалевала себя как следует. Вся из себя такая раскрашенная-разукрашенная... В принципе тоже была бы ничего.

– ...ну так вот, – продолжала Маша, – Зинаида Олеговна вам не случайно ничего не сказала! Дело в том, что Ольга Федоровна, как говорится, увела любовника ее подруги, Оксаны Леонидовны Круглыхиной. Точнее сказать, сам Михаил Константинович бросил Оксану ради Ольги Федоровны..

– Можете описать ее внешность?

– Ну, она примерно одних лет с Зинаидой Олеговной, повыше и постройнее ее, блондинка, хотя одно время была рыжей. Довольно симпатичное лицо. Правда, родинка под левым

глазом портит впечатление. Я на ее месте давно бы от нее избавилась. Вот и Михаила Константиновича она, наверное, начала раздражать, – высказала свое предположение относительно разрыва бывшей пары Маша. – А это – адрес армянской фирмы и гостиницы, где останавливалась Ольга Федоровна, как вы просили. – Она протянула мне листок.

Я поблагодарила девушку, попрощалась с ней и вышла. Прошла через приемную, где меня так приветили, открыла дверь в коридор. В его глубине я увидела стоявшую ко мне спиной Зинаиду Олеговну. Чтобы меня не заметили, я прижалась к стене и почти слилась с ней, услышав ее торопливо сказанные слова:

– Оксанка, наконец-то я до тебя дозвонилась! Слушай внимательно! У меня сейчас сидит частный детектив, скорее всего, она что-то подозревает, спросила про исчезнувший листок из ежедневника... Как – что?! Там же инициалы твоего бывшего и время их свидания, с которого она не вернулась! Ах, тебе уже все равно? Ну, как знаешь, разбирайся сама... А я-то для тебя старалась, листок вырвала...

Я бесшумно отделилась от стены, открыла служебную дверь и покинула магазин. Потом добралась до своей «девятки», села, закурила. Это что же получается? Инициалы М. К., как сказала Зинаида Олеговна, совпадают с первыми буквами имени-отчества бывшего любовника Оксаны – Михаила Константиновича. Еще коммерческий директор утверждала, что именно в тот день и час Михаил Константинович встречался с Ольгой. И получается, что... Я еще раз прослушала запись на диктофоне, сделанную мной на лестничной клетке в доме Ольги... В общем, мне надо отыскать эту самую Оксану Леонидовну Круглыхину, а через нее – и Михаила Константиновича... Аникина или Алифанова. Или еще какого-нибудь, с фамилией, начинающейся на букву «А». А посему мой путь лежал в адресный стол.

В адресном столе мне выдали целых семь адресов с интересующим меня именем, отчеством и фамилией. Два из них я сразу же отбросила, потому что в первом случае Оксана Леонидовна была слишком юной особой, а во втором – пожилой женщиной, чуть ли не ровесницей века. Остальные Оксаны жили кто где, то есть в разных районах Тарасова. Я решила начать с более отдаленного и поехала в Ульяновский район. Опять пробки, пробки, пробки.. Теперь уже не только из-за «невероятного количества автотранспортных средств», выражаясь языком СМИ, но и из-за ремонта дорог. У меня вообще сложилось впечатление, что в Тарасове идет перманентный ремонт всего, что только можно ремонтировать: дорог, домов, канализационных труб. Все перекопано, огорожено-загорожено.

Наконец я добралась до нужного мне адреса. Припарковалась во дворе и, выйдя из машины, поставила ее на сигнализацию. Поднимаясь по ступенькам довольно обшарпанной пятиэтажки, я подумала, с какой «легендой» мне лучше всего заявиться. Так ничего путного и не придумав, я нажала на кнопку звонка, решив импровизировать по ходу дела. К двери долго не подходили, и я снова позвонила. На этот раз послышалось какое-то движение. Дверь распахнулась, на пороге показалась женщина со свернутым в виде чалмы полотенцем на голове и в банном махровом халате. Я взглянула на ее лицо. О черт! Оно было покрыто косметической маской зеленого цвета. Единственный опознавательный знак был скрыт, хотя по возрасту и по фигуре женщина вроде бы подходила.

– Статистический опрос, – заявила я с ходу. – Не согласитесь ли вы ответить всего на несколько вопросов? Это займет совсем немного времени.

– Ну, если это ненадолго, – протянула женщина, – а то мне скоро маску снимать.

«Как хорошо, – подумала я, – что скоро! Можно будет произвести идентификацию».

– Проходите, – пригласила женщина, – и извините меня за мой вид.

– Ну, что вы, что вы... Спасибо вам за то, что согласились.

Я прошла в комнату, села в предложенное хозяйкой кресло. Надо было приступить к опросу. С чего начать-то? Тут я вспомнила, что моя школьная подруга Верка не так давно стала дистрибьютором одной из сетевых компаний. Целыми днями она носилась по городу, раздавая

визитки и листовки, а вечерами обзванивала приятелей и знакомых, их знакомых и так далее, по кругу. Она с жаром убеждала, что только в сфере сетевого маркетинга и можно достичь финансового благополучия, так сказать, «подняться». Возможно, теоретически все так и есть. Верка с упоением рисовала мне схемы «роста бизнеса, когда каждый дистрибьютор за месяц приглашает в бизнес только одного человека». На бумаге выходили приличные суммы. Один раз она даже затащила меня на презентацию. Там тоже все выглядело более чем. Правда, на мой вопрос: «Когда пригласишь на яхту или на Лазурный Берег?», Верка уклончиво, но тем не менее бодро отвечала, что скоро у нее будет все, чего только душа пожелает. Однако я что-то сомневалась в этом. В доказательство правоты моих сомнений Веркин прикид не обновлялся уже в течение весьма продолжительного времени. По мне, так лучше получать пусть и не такие заоблачные суммы, но зато регулярно, а не зависеть от того, согласится ли Марь Петровна или Нина Иванна «подписаться» (то есть подписать контракт) и также рекрутироваться в ряды сетевых агентов. К тому же ни в чем нельзя быть уверенной в стране, где половина населения «впаривает» другой половине все что ни попадя: косметику, биологически активные добавки, медицинские приборы, очистительные фильтры и так далее.

Но надо было начинать свой «соцопрос»: женщина выжидающе смотрела на меня.

– Э... – Я вспомнила Веркины рассказы, достала блокнот и ручку и начала: – Скажите, вас удовлетворяет качество питьевой воды в Тарасове?

– А... Не очень.

– Какую воду вы употребляете? Бутилированную, фильтрованную, родниковую, из водопровода?

– Фильтрованную.

– Скажите, вас интересует информация о...

– Ой, девушка, простите, мне маску пора снимать, а то кожа растянется. – С этими словами женщина скрылась за одной из дверей.

Вот и славненько! Через пару минут наступит долгожданный момент «икс», и я наконец увижу – или не увижу – ту самую родинку. Родинку я так и не увидела. Ну, что же, по крайней мере, один адрес уже отработан, осталось всего четыре. Я быстренько завершила «опрос», решив при случае подкинуть Верке адресок, потому что женщина, похоже, заинтересовалась информацией о влиянии воды на здоровье человека и о новом способе ее улучшения.

Итак, снова в путь-дорогу! Из оставшихся адресов я выбрала находящийся в центре, недалеко от моего дома: уже смеркалось, и я решила, что обход, вернее, объезд следующих адресов я продолжу завтра, если не повезет сегодня. Но мне повезло. «Тайзеровскую» дверь открыла женщина, внешне похожая на ту, что описала мне секретарь Маша. И главное, родинка присутствовала. Под левым глазом. И она вовсе не портила женщину, наоборот... придавала ей некоторую пикантность.

– Вам кого? – спросила женщина. Я сразу узнала этот слегка глуховатый голос, который слышала в тамбуре у Ольги.

– Мне нужна Оксана Леонидовна Круглыхина.

– Это я. А вы кто?

– А я – частный детектив, расследую убийство генерального директора магазина модной одежды, Ольги Федоровны Ермаковой. Вам это имя о чем-нибудь говорит?

Женщина тяжело вздохнула:

– Вам же все известно...

– Можно, я войду?

– Проходите, что уж тут...

Как-то она ведет себя... Слишком покладисто, что ли? Неужели сейчас признается в содеянном? Или не сознается? Оказавшись в комнате, я включила диктофон, дала ей прослушать запись разговора.

– Что вы можете сказать, Оксана Леонидовна?

Она немного помолчала.

– Вы знаете, мне нелегко признаться...

Ну, наконец-то!

– ... в том, что Миша оставил меня ради Оли. Но я не желала ее смерти, поверьте! А что касается моего алиби, так у меня в тот день умер отец, я все время была в больнице, – закончила она почти шепотом.

Я записала номер больницы – потом проверю. Хотя что проверять, ведь Ольга была с мужчиной. Ладно, разберемся.

– А где и кем работает ваш бывший друг?

– Михаил? Он – хирург во Второй клинической больнице. Хирург-кардиолог, Аверин Михаил Константинович.

– Фотография его у вас, конечно, имеется?

Оксана молча вытащила из альбома снимок и также молча протянула его мне. Нет, что-то не похож он на фоторобот! Брови не те, волосы какие-то реденькие и прилизанные. Надо будет показать фото официантке Свете.

– После окончания расследования фотографию я вам верну.

– Послушайте, – обратилась ко мне Оксана, – ведь вы же не подозреваете Мишу?

Я уклонилась от ответа, мило улыбнувшись, что можно было понять как угодно. Подозревать всех – это первое правило любого начинающегося расследования. По мере прояснения различных обстоятельств и выяснения возможных мотивов ненужные фигуранты отпадают сами собой. Но проверять-то все равно приходится всех!

– Но Миша никак не мог... Это просто абсурд!

– Вы только что прослушали запись вашего с ним разговора. И, помнится, именно вы и предположили этот самый абсурд, – пожала я плечами.

– Да это я так... Ну, отчасти в сердцах, что ли. Чувства оставленной женщины во мне заговорили, понимаете? И еще Миша масла в огонь подлил, сказав, что я теперь должна быть довольна! Да чему тут радоваться-то? То, что он не вернется ко мне, это – факт. Возможно, он прав, в одну и ту же реку дважды не войти. На Олю я сначала сильно злилась, но потом поняла, что, по большому счету, она здесь ни при чем: не она увела Мишу. Наоборот, это была его инициатива! Он ухаживал за ней, красиво ухаживал, как когда-то за мной. И еще, мне стало известно, что незадолго до своей гибели Оля сказала ему, что встречаться больше нет смысла, потому что она не испытывает к нему тех чувств, на которые он рассчитывает... А на те мои слова не обращайте внимания, – сказала она, немного помолчав, – Миша не из тех, кто будет сводить счеты с любимым человеком. Уж я-то знаю!

«Проверим», – подумала я. Попрощавшись с Оксаной, я поехала домой.

По пути, как и намеревалась, заехала в супермаркет, затарилась и приехала в свою обитель, когда уже совсем стемнело. Только дома я почувствовала, как дико устала. Даже есть не хотелось, хотя последний раз я что-то перехватила на бегу еще днем. Ладно, сейчас под душ, потом сунуть в рот чего-нибудь пожевать и спать. Обо всем остальном я, как Скарлетт, подумаю завтра.

Глава 3

Утром мне опять пришлось уговаривать себя встать с постели. Казалось бы, пора уже и привыкнуть, все-таки я не в отпуске, когда можно позволить себе проваляться полдня. Одно радовало: за ночь я успела восстановить силы, а посему следовало приниматься за работу. Приняв душ, я направилась в кухню. Раскрыла упаковку тостов, несколько штук намазала абрикосовым джемом. Налила воду в джезvu и поставила ее на огонь. Потом подумала, вынула из упаковки еще пару тостов, нарезала сыр и все это отправила в микроволновку. Вскоре я уже пила обжигающий напиток и поглощала один за другим бутерброды. Завтрак я завершила большим спелым бананом.

Ну-с, вперед! Несмотря на заверения Оксаны, что Михаил никак не мог бы лишиться жизни любимую женщину, я должна была лично в этом убедиться. Поэтому, как я и решила еще вчера, пунктом первым в моей сегодняшней программе была встреча с официанткой Светой. Но она не состоялась: Света уже со вчерашнего дня была в отпуске и выехала из Тарасова. Поскольку не сработал план «А», автоматически вступил в действие план «Б»: я поехала во Вторую клиническую больницу, где работал кардиохирург Михаил Константинович.

Я подъехала к клинике, припарковалась и вошла на территорию. В кардиологию вело несколько дверей. За первой был небольшой коридор, размером с вагонный тамбур. Вторая дверь была с большим матовым стеклом. Я открыла застекленную дверь и оказалась в просторном светлом холле, в противоположных углах которого стояли столы, огороженные невысокими барьерами. Посередине находился низкий квадратный столик, на котором высилась декоративная ваза с искусственными цветами, а возле столика стояли два больших кресла. Все остальное место занимали стулья и банкетки, на которых сидели люди. Некоторым места не хватило. Я спросила у ближе всех оказавшейся ко мне женщины, на вид лет шестидесяти – шестидесяти пяти, что это за очередь.

– Это, дочка, запись на консультацию к хирургу.

– К какому хирургу? – решила уточнить я.

– А вот который по сердцу. На сердце он разные операции делает. Фамилия его... А... Аверин. Вот, вспомнила.

– Кто последний на запись?

– А иди вон в тот конец.

Я пошла в указанный мне дальний угол, где нужно было занимать очередь, но «последнего» я нашла далеко не сразу. Мне пришлось еще раз пересечь холл. Ориентируясь на наводки типа, «за мной занимали, но отошли», «держитесь пока за мной», я наконец-то отыскала крайнюю. Ей оказалась седовласая женщина.

– Скажите, – поинтересовалась я у нее, – неужели столько народу, и все к Аверину?

– Да, – ответила женщина. – Он – очень хороший специалист, поэтому попасть к нему нелегко. Я приехала сюда с Дачных, аж к шести утра, но не уверена, что попаду на консультацию раньше, чем через полмесяца.

«С ума сойти! – подумала я. – Интересно, а те, кто рассчитывает пробиться к Аверину в ближайшее будущее, должны вообще занимать очередь с ночи?» Меня такой расклад, понятное дело, не устраивал. Ну, да ничего, придумаем что-нибудь. Очередь монотонно гудела. Периодически кто-то вставал со стула или с банкетки или просто отделялся от стены и пересаживался на стул, стоявший около столика с барьером, за которым регистраторша вела запись. Постепенно очередь начала рассасываться. Я села на освободившийся стул. Моими соседками оказались молодая девушка с распущенными черными волосами и челкой, закрывавшей поллица, и та самая женщина, за которой я заняла очередь. Невольно я прислушивалась к разговорам пациентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.